

Глава 1

Когда-то в давно забытой всеми земле жил могущественный король, которого все боялись и никто не любил. И звали его король Ледяное Сердце...

«Король Ледяное Сердце»

Лондон, февраль 1737 года

Женщина, в полночь покинувшая дом на Сент-Джайлс, была или очень глупой, или совершенно отчаявшейся. Или и то и другое, с горьким юмором заметила Темперанс Дьюз.

— Говорят, вот в такие ночи и появляется призрак святого Джайлса, — сказала Нелл Джонс, ее служанка, обходя вонючую лужу в узком переулке.

Темперанс с сомнением взглянула на Нелл. Та провела три года с трупной бродячих актеров и иногда проявляла склонность к мелодраме.

— Никакой призрак святого Джайлса тут не появляется, — уверенно возразила Темперанс. Этой холодной зимней ночью здесь и без злых духов было довольно страшно.

— О, этот правда появляется. — Нелл крепче прижала к себе спящего младенца. — У него на лице маска, он одет в пестрый клетчатый костюм Арлекина и вооружен страшным мечом.

Темперанс задумалась.

— Костюм Арлекина? Что-то не очень вяжется с призраками.

— А если это дух умершего Арлекина, который вернулся, чтобы преследовать живых?

— За плохие отзывы о его игре?

Нелл фыркнула.

— А еще он обезображен.

— И кто это узнал, если он носит маску?

Они подошли к концу переулка, и Темперанс показала, что она видит впереди свет. Она высоко подняла фонарь, а другой рукой чуть крепче сжала старинный пистолет. Тяжелое оружие, от которого болела рука. Темперанс могла бы принести его в мешке, однако тогда бы он не выполнил своего предназначения. Пистолет был заряжен, но в нем был лишь один заряд, и, честно говоря, она слабо представляла, как обращаться с этим оружием.

Все же пистолет выглядел угрожающе, и это главное. Ночь была темной, ветер зловеще завывал. Сент-Джайлс не умолкал ни на минуту — спорящие голоса, стоны, смех и время от времени странный, леденящий кровь крик. Сент-Джайлс заставил бы любую отважную женщину бежать из него без оглядки.

Даже без рассказов Нелл.

— Ужасающе обезображен, — продолжала Нелл, не обращая внимания на рассудительность Темперанс. — Говорят, у него начисто сгорели губы и веки, как будто он когда-то погиб в огне. Говорят, он усмехается, обнажая свои желтые зубы, когда подходит к тебе, чтобы выпустить кишки.

Темперанс наморщила нос.

— Нелл!

— Так говорят, — убежденно сказала Нелл. — Призрак разрезает свои жертвы и играет их внутренностями, а затем исчезает в темноте.

Темперанс содрогнулась.

— Зачем ему все это?

— Зависть, — с тем же убеждением пояснила

4 Нелл. — Он завидует живым.

— Ну, я все равно не верю в привидения. — Темперанс глубоко вдохнула, когда они свернули в небольшой грязный двор. На противоположной стороне виднелись две фигуры, но они исчезли при приближении женщин. Темперанс облегченно вздохнула. — Как я не люблю ходить по ночам.

Нелл похлопала ребенка по спинке.

— Еще полмили, там мы уложим малышку в постель, а утром пошлем за кормилицей.

Темперанс прикусила губу, они зашли в другой переулок.

— Ты думаешь, она доживет до утра?

Но Нелл, которая обычно охотно высказывала свое мнение, промолчала. Темперанс посмотрела вперед и прибавила шаг. На вид ребенку было всего несколько недель, но он не издал и звука с тех пор, как они вынули его из рук умершей матери. Обычно здоровые младенцы громко давали о себе знать. Страшно подумать, что они с Нелл напрасно предприняли это опасное путешествие.

Но разве у них был какой-то выбор? Когда Темперанс сообщили из приюта, что младенец нуждается в ее помощи, было еще совсем светло. Она по горькому опыту знала, что если они будут ждать до утра, то ребенок, лишенный заботы, погибнет той же ночью или уже будет продан нищим. Дети, купленные нищими, приносили большую прибыль, вызывая у прохожих жалость. И для этого малышу могли вырвать глаз или сломать руку или ногу. Нет, выбора у Темперанс действительно не было. Младенец не мог ждать до утра.

Теперь они шли по узкому проходу между высокими домами, стены которых грозились обрушиться. Мимо проскользнула тощая кошка, а затем совсем рядом раздался крик.

Темперанс остановилась.

— Кто-то там, впереди, — хрипло прошептала Нелл.

Они услышали шаркающие шаги и неожиданный громкий крик.

Темперанс сглотнула. В переулке не спрячешься. Можно или вернуться, или идти дальше.

Это все и решило. Ночь была холодной, а холод опасен для младенца.

— Держись за меня крепче, — шепнула Темперанс служанке.

— Как блоха за собаку, — проворчала Нелл.

Темперанс расправила плечи и вытянула перед собой руку, сжимавшую пистолет. Уинтер, ее самый младший брат, сказал, что надо только прицелиться и выстрелить. Это не слишком трудно. Когда они вошли в еще один узкий двор, свет фонаря осветил картину, от которой Темперанс на секунду замерла на месте, перед ней словно на сцене разыгрывалась пантомима.

На земле лежал мужчина с окровавленной головой. Но не это ошеломило Темперанс — кровь и даже смерть, были довольно обычным делом в Сент-Джайлсе. Нет, ее внимание привлек второй мужчина. Он присел на корточки перед первым, и полы его черного плаща опустились по обе стороны от тела жертвы, как крылья большой хищной птицы. В руках незнакомец держал длинную черную трость с серебряным набалдашником, под цвет его волосам, прямым и длинным, в свете фонаря они тоже блестели как серебро. Почти все лицо скрывала тень, но из-под полей черной треугольной шляпы сверкнули глаза. Темперанс почувствовала на себе тяжесть этого взгляда. Как будто незнакомец дотронулся до нее.

— Лорд спас и уберет нас от зла, — тихо и испуганно сказала Нелл. — Пойдемте отсюда, мэм. Да поскорее!

Получив такое указание, Темперанс, стуча башмаками по булыжнику, перебежала двор и бросилась в еще один переулочек, оставив всю эту сцену позади.

— Кто это, Нелл? — запыхавшись, спросила она, шагая по зловонному переулочку. — Ты его знаешь?

Неожиданно переулочек вывел их на широкую улицу, и Темперанс немного успокоилась, чувствуя себя свободнее.

Нелл сплюнула, словно очищая рот от отвратительного вкуса.

Темперанс посмотрела на нее с любопытством.

— Ты сказала так, как будто знаешь его.

— Знаю? Нет, — ответила Нелл. — Но я видела его раньше. Это лорд Кэр. Лучше его не трогать.

— Почему?

Нелл покачала головой, поджимая губы.

— Мне не следует говорить с вами о подобных людях, мэм.

Темперанс оставила это загадочное замечание без внимания. Они уже вышли на более приличную улицу — у некоторых домов горели фонари, зажженные жильцами. Темперанс завернула за угол на Мейден-лейн и увидела невдалеке здание приюта. Как и соседние дома, это было высокое каменное здание дешевой постройки. Окон было немного, и те были очень узкие, а у входных дверей не было никаких надписей. За все пятнадцать лет своего непрочного существования детский сиротский приют никогда не нуждался в афишировании.

Брошенные и осиротевшие дети не были редкостью в Сент-Джайлсе.

— Благополучно добрались до дома, — сказала Темперанс, когда они подошли к двери. Она поставила фонарь на стертые каменные ступени и достала большой железный ключ, висевший у нее на поясе. — Как мне хочется горячего чая.

— Я уложу малышку в постель, — сказала Нелл, войдя в жалкую маленькую переднюю, безупречная чистота которой не могла скрыть осыпавшейся штукатурки или покоробившихся половиц.

— Спасибо. — Темперанс сняла накидку и повесила ее на крючок, а в дверях появилась высокая мужская фигура.

— Темперанс.

Она обернулась.

— О! О, Уинтер, я и не знала, что ты уже вернулся.

— Это понятно, — сухо заметил ее младший брат. Он кивнул служанке: — До свидания, Нелл.

— Сэр. — Нелл присела и с тревогой посмотрела на брата и сестру. — Я только загляну к детям, можно?

И она побежала вверх по лестнице, оставив Темперанс выслушивать неодобрение Уинтера.

Темперанс расправила плечи и прошла мимо брата. Помещение приюта было длинным и узким, дом был зажат между соседними. У входа находилась неболь-

шая комната, служившая столовой, иногда там принимали важных посетителей. В дальней части дома были расположены кухни, куда сейчас и направилась Темперанс. Все дети ровно в пять часов получили свой обед, но ни она, ни ее брат еще ничего не ели.

— Я как раз собиралась приготовить чай, — сказала Темперанс, разжигая огонь.

Сут, их домашний черный кот, поднялся со своего места перед очагом и потянулся, отправляясь на охоту за мышью.

— Со вчерашнего дня остался кусок говядины, а сегодня утром я купила свежей редиски, — продолжила она.

Уинтер, стоявший за спиной сестры, вздохнул:

— Темперанс.

Она торопливо искала котелок.

— Хлеб немного зачерствел, но, если хочешь, я могу сделать тосты.

Он молчал, и ей пришлось повернуться к нему лицом и встретить неизбежное.

Длинное худое лицо Уинтера было печально, и она почувствовала себя ужасно. Ей было так тяжело разочаровать его.

— Было еще светло, когда мы ушли, — жалобным голосом сказала она.

Он снова вздохнул, снял свою круглую шляпу и сел за кухонный стол.

— Ты могла подождать моего возвращения, сестра?

Темперанс взглянула на брата. Уинтеру было всего двадцать пять, но он держал себя как человек вдвое старше. Усталость изрезала его лицо морщинами. Широкие плечи опустились, а длинные руки и ноги были слишком худыми. Последние пять лет Уинтер был учителем в маленькой дневной школе приюта.

В прошлом году, когда умер отец, Уинтеру пришлось взвалить на свои плечи неизмеримо больше работы. Конкорд, их самый старший брат, взял на себя заботу о семейной пивоварне. Эйса, второй брат, всегда держался в стороне от сиротского приюта и завел какое-то свое таинственное дело. Обе сестры, Верити, самая старшая, и Сайленс, самая младшая, были замужем. Таким образом при-

ют оказался в руках Уинтера. Даже с помощью Темперанс, а она трудилась в приюте после смерти мужа, умершего девять лет назад, эта работа одному человеку была не по силам. Темперанс беспокоило здоровье брата, но и приют для подкидышей, и крошечная школа были основаны их отцом, и Уинтер чувствовал, что его сыновний долг сохранить оба благотворительных заведения.

Только бы его не подвело здоровье.

Темперанс налила воду в котелок.

— Если бы мы ждали тебя, то уже совсем стемнело бы и ребенок мог бы уже исчезнуть. — Поставив котелок на огонь, Темперанс взглянула на брата. — Кроме того, разве у тебя мало работы?

— А если бы я лишился сестры, у меня стало бы меньше работы?

Темперанс смущенно отвела глаза.

Голос брата немного смягчился:

— Думаешь, это избавило бы меня от горя?

— Нелл знала мать этого ребенка — девушку, которой не было и пятнадцати. — Темперанс взяла хлеб и нарезала его тонкими ломтиками. — Кроме того, у меня был пистолет.

— Гм, — усмехнулся Уинтер. — И если бы на вас напали, ты бы выстрелила?

— Конечно, — с полной уверенностью сказала Темперанс.

— А если бы пистолет дал осечку?

Она нахмурилась. Отец воспитал во всех братьях умение настаивать на своем, и иногда это очень раздражало.

Она поднесла к огню ломтики хлеба.

— Во всяком случае, ничего не случилось.

— Сегодня. — Уинтер снова вздохнул. — Сестренка, ты должна пообещать мне, что больше не будешь совершать такие глупости.

— Гм, — проворчала Темперанс, занимаясь тостами. — Как прошел день в школе?

Сначала она подумала, что Уинтер не захочет сменить тему разговора. Но он сказал:

— Хорошо. Сэмюэль наконец выучил свой урок, и мне не пришлось никого наказывать.

Темперанс взглянула на него с сочувствием. Она знала, что Уинтер ненавидит наказания, даже шлепки рукой, не говоря уже о розгах.

— Я рада, — просто сказала она.

Он заворочался на своем стуле.

— Я вернулся к ленчу, но тебя не было.

Темперанс сняла с огня тост и положила его на стол.

— Я должна была отвезти Мэри Фаунд на место ее новой работы. Думаю, она справится там. Ее хозяйка показалась мне очень доброй, и она взяла всего пять фунтов за обучение Мэри обязанностям горничной.

— Дай Бог. Может, она действительно чему-нибудь научит девочку, и мы больше не увидим Мэри Фаунд.

Темперанс налила кипяток в заварной чайник и поставила его на стол.

— Ты скептик, брат.

Уинтер вытер лоб.

— Прости. Скептицизм — ужасный грех. Я попытаюсь исправиться.

Темперанс молча смотрела на брата. Его беспокоило что-то еще.

Наконец он сказал:

— Сегодня заходил мистер Уэдж.

Мистер Уэдж был владельцем дома. Темперанс замерла, положив руку на чайник.

— Что он сказал?

— Он дал нам всего две недели, а затем он потребует освободить помещения приюта.

— Бог мой!

Темперанс смотрела на маленький кусочек мяса, лежавший на ее тарелке. Он был жилистый и жесткий, но ей очень хотелось его съесть. Теперь же аппетит неожиданно исчез. Уплата ренты за приют была просрочена — в прошлом месяце они не смогли заплатить ренту полностью, а в этом месяце не заплатили совсем ничего. «Может быть, не следовало покупать редиску», — мрачно думала Темперанс. Но дети на прошлой неделе ели только суп с хлебом.

— Если бы только сэр Гилпин упомянул нас в своем завещании, — тихо сказала она.

Сэр Гилпин был близким другом отца и покровителем приюта. Бывший владелец театра, он сумел разбогатеть на «Компании Южных морей» и оказался достаточно сообразительным, чтобы забрать свои деньги до того, как лопнула эта пресловутая афера. При жизни сэр Гилпин был щедрым, но его неожиданная смерть полгода тому назад оставила приют в затруднительном положении. Они кое-как продержались на своих сбережениях, но теперь оказались в страшной нужде.

— Сэр Гилпин был необыкновенно щедрым человеком, — ответил Уинтер. — Я не видел другого джентльмена, который так охотно давал бы деньги на приют обездоленных детей.

Темперанс поковыряла кусочек мяса.

— Что же нам делать?

— Бог поможет, — отодвигая недоеденный ужин, сказал Уинтер и встал. — А если он не поможет, то я, возможно, смогу набрать частных учеников.

— У тебя и так слишком много уроков, — возразила Темперанс. — Тебе и поспать некогда.

Уинтер пожал плечами:

— Разве я смогу жить дальше, если невинных, которых мы защищаем, выбросят на улицу?

Темперанс опустила глаза. У нее не было ответа.

— Пойдем. — Брат протянул ей руку и улыбнулся.

Его улыбка появлялась так редко и так радовала Темперанс. Когда он улыбнулся, все его лицо словно осветилось внутренним светом и на одной щеке появилась ямочка, это придало Уинтеру мальчишеский вид, более свойственный его настоящему возрасту.

Когда Уинтер улыбался, было невозможно не ответить ему улыбкой, что Темперанс и сделала, взяв его за руку.

— Куда же мы пойдем?

— Давай посетим наших подопечных, — сказал он и, взяв свечу, повел ее вверх по лестнице. — Ты когда-нибудь замечала, что во сне они так похожи на ангелочков?

Темперанс засмеялась, они поднялись по узкой деревянной лестнице на верхний этаж. Здесь был

маленький холл с тремя дверями. Уинтер поднял свечу, и они заглянули в первую дверь. Там по стенам были расставлены шесть детских кроваток. В этой комнате спали самые маленькие подкидыши, по двое или по трое на одной кровати. У двери, на большой кровати, уже спала Нелл.

Уинтер подошел к ближней от нее кровати. В ней лежали два младенца. Один из них, рыжий краснощекий мальчик, сосал во сне кулачок. Второй ребенок был вдвое меньше, девочка была бледна, под глазами виднелись нездоровые круги. Маленькие завитки тонких черных волос украшали ее голову.

— Ты этого ребенка спасла сегодня? — тихо спросил Уинтер.

Темперанс кивнула. Малышка казалась совсем хрупкой рядом с пышащим здоровьем мальчиком.

Но Уинтер лишь осторожно коснулся пальцем ее ручки.

— Тебе нравится имя Мэри Хоуп?

Темперанс преодолела спазм в горле.

— Очень подходит.

Уинтер кивнул и, в последний раз ласково коснувшись младенца, вышел из комнаты. Вторая дверь вела в спальню мальчиков. На четырех кроватях расположились тринадцать мальчиков, все моложе девяти — в девять их брали в подмастерья. Раскрасневшиеся во сне мальчики спали, раскинув руки и ноги. Уинтер улыбнулся, накрыл трех мальчиков одеялом и положил на кровать чью-то свалившуюся ногу.

Темперанс вздохнула:

— Никто бы не подумал, что обеденный час они провели в переулке, гоняясь за крысами.

— Мальчишки быстро превращаются в мужчин.

— Ты прав. — Темперанс открыла последнюю дверь, ведущую в спальню девочек, и мгновенно с подушки поднялось маленькое личико.

— Вы забрали ее, мэм? — хриплым шепотом спросила Мэри Уитсон.

Она была самой старшей девочкой в приюте, девять лет тому назад ее принесли в приют трехлетней малышкой. Несмотря на молодость Мэри Уитсон, Темперанс иногда оставляла ее присматривать за другими детьми.

— Да, Мэри, — прошептала в ответ Темперанс. — Мы с Нелл благополучно принесли ее домой.

— Я очень рада. — Мэри Уитсон широко зевнула.

— Ты хорошо присматривала за детьми, — шепотом похвалила Темперанс. — А теперь спи. Скоро наступит утро.

Мэри Уитсон сонно кивнула и закрыла глаза.

Уинтер взял подсвечник со столика у двери, и они вышли из спальни девочек.

— Я тоже воспользуюсь твоим советом, сестра, и пожелаю тебе доброй ночи.

Он зажег от своей свечи другую свечу и дал ее Темперанс.

— Крепкого тебе сна, — ответила она. — А я, наверное, выпью еще чашку чаю.

— Не засиживайся, — сказал Уинтер. Он коснулся пальцем ее щеки и направился к лестнице.

Темперанс смотрела ему вслед, с огорчением замечая, как медленно поднимался он по лестнице. Уже за полночь, а он встанет еще до рассвета, чтобы почтить, написать письма возможным покровителям и подготовиться к урокам в школе. Потом прочитает молитву за завтраком и поспешно займется делами, будет работать все утро до скудного ленча и после ленча — дотемна. Вечером он проверит уроки девочек и почитает Библию другим детям. Но когда Темперанс делилась с Уинтером своими опасениями, он только вопросительно поднимал бровь и спрашивал, кто будет делать эту работу, если не он? Темперанс покачала головой. Ей тоже давно пора спать, ее день начинался в шесть часов — но эти минуты, когда она принадлежала самой себе, были ей дороги. Она жертвовала полчасом сна, чтобы посидеть с чашкой чая.

Поэтому Темперанс взяла свечу и спустилась вниз. По привычке она проверила, заперта ли на замок дверь и задвинут ли засов. Потом пошла в кухню, слушая как гудит ветер, трясутся ставни и вздрагивает входная дверь. Темперанс поежилась, радуясь, что она в такую погоду дома. Потом сполоснула чайник и снова налила в него воду. Заварить свежий чай только для себя было недопустимой роскошью. В стороне от кухни находилась крохотная комнатка. Ее первоначальное назначение было дав-

но забыто, но в ней был маленький камин, и Темперанс превратила ее в свою личную гостиную. Там стояло мягкое кресло, весьма ободранное, но подновленное брошенным на спинку стеганым одеялом. Еще там были столик и скамеечка для ног — все, что нужно, чтобы посидеть у теплого камина. Что-то тихонько напевая, Темперанс поставила чайник, чашку, маленькую сахарницу и подсвечник на старый деревянный поднос. Не помешало бы и молоко, но то, что осталось от завтрака сегодня, пойдет на завтрак на следующее утро. Как бы там ни было, но сахар был преступной роскошью. Темперанс, прикусив губу, посмотрела на маленькую сахарницу. Нужно снять ее с подноса и поставить на место. Темперанс убрала сахар с подноса, но эта жертва не принесла ей удовлетворения. Темперанс только почувствовала усталость. Она взяла поднос и, поскольку обе руки были заняты, повернулась к двери в ее маленькую гостиную спиной и толкнула ее.

Вот поэтому Темперанс не заметила, что в гостиной уже кто-то есть.

В комнатке, развалившись на ее кресле, сидел каким-то чудом появившийся здесь лорд Кэр. Его серебряные волосы рассыпались по плечам, треугольная шляпа лежала на колене, а правая рука поглаживала набалдашник длинной трости черного дерева. Темперанс увидела его близко и поняла, что волосы скрывают его возраст. Вокруг поразительно синих глаз почти не было морщинок, а рот и скулы были твердо очерчены. Он не старше тридцати пяти.

Когда она вошла, он наклонил голову и заговорил глубоким, ровным и слегка угрожающим голосом:

— Добрый вечер, миссис Дьюз.

Она держалась со спокойной уверенностью, эта респектабельная молодая особа, жившая в клоаке, называемой Сент-Джайлс. Увидев Кэра, она вытаращила глаза, но не попыталась убежать. Обнаружив постороннего мужчину в своей жалкой гостиной, она, казалось, ничуть не испугалась.

Интересно.

— Я — Лазарус Хантингтон, лорд Кэр, — сказал

— Я знаю. Что вы здесь делаете?

Он поднял голову и пристально посмотрел на нее. Она его знает, но не дрожит от страха? Да, она совершенно спокойна.

— Я пришел к вам с предложением, миссис Дьюз.

Все еще никаких признаков страха, хотя она и поглядывает на дверь.

— Вы выбрали не ту женщину, милорд. Уже поздно. Пожалуйста, покиньте мой дом.

Никакого страха и никакого преклонения перед титулом. В самом деле, интересная особа.

— Мое предложение не... э... не относится к недозволенным, — пояснил Кэр. — Оно полностью в рамках приличия. Или почти в рамках.

Она вздохнула и, посмотрев на свой поднос, спросила:

— Не хотите ли чашку чаю?

Кэр чуть не улыбнулся. Чай? Когда в последний раз женщина предлагала ему что-либо столь же прозаическое? Он не помнил.

Но ответил достаточно серьезно:

— Благодарю вас, нет.

Темперанс кивнула.

— Тогда не возражаете?

Она поставила поднос на жалкий столик, села на мягкую скамеечку для ног и налила себе чашку. Лорд Кэр изучал новую знакомую. Она представляла собой одноцветную картину. Платье, корсаж, чулки и туфли — все было совершенно черным. Косынка, прикрывавшая строгий вырез воротника, передник и чепчик — никаких кружев или рюшей — белые. Никакой другой цвет не нарушал строгого вида, и только ярко-красный цвет губ делал черты лица более выразительными. Одежда монахини, а губы сибаритки.

Контраст был завораживающим... и возбуждающим.

— Вы пуританка? — спросил Кэр.

— Нет, — поджала она свои потрясающие губы.

— А. — Он заметил, что она не сказала и о принадлежности к англиканской церкви. Вероятно, она при-
мыкала к одной из многих незначительных религи-